

Настасья
Реньжина

БАБУШКА

СКАЗАЛА
СИДЕТЬ

ТИХО

СТЕКЛО

Настасья Реньжина
Бабушка сказала сидеть тихо
Серия «СТЕКЛО. То, что всегда
происходит с кем-то другим»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70254592

ISBN 978-5-04-198324-6

Аннотация

Баба Зоя живет одна, но регулярно печет кому-то пирожки и поглядывает на шкаф. Соседки, с которыми она изредка ходит в лес по грибы-ягоды, подозревают, что их подруга чуточку сошла с ума от одиночества и уверовала в существование домового. Но в шкафу дома с почти всегда закрытыми ставнями и правда кто-то живет. Кто-то косматый, кто не умеет разговаривать, никогда не выходил из дома и даже не видел неба. Вот только это совсем не домовый...

Содержание

Глава 1	9
Глава 2	18
Глава 3	27
Глава 4	35
Глава 5	46
Глава 6	59
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Настасья Реньжина Бабушка сказала сидеть тихо

Редактор серии Карина Буянова



© Реньжина Н., 2024

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

* * *



Настасья Реньжина – молодой талантливый писатель, уже признанный в литературном сообществе. Обладатель награды «Слова на вес золота» от издательского дома «Аргументы и факты», финалист ряда значимых писательских конкурсов.

Родилась и выросла в Вологодской области. Пишет рассказы, повести и романы, занимается благотворительностью. В 2016 году получила государственный грант на модернизацию сельской библиотеки в Чагодощенском районе. На эти деньги было заменено устаревшее оборудование, закуплены планшеты, приобретен проектор для библиотечных мероприятий и обновлен книжный фонд. Настасья лично запустила акцию по сбору книг для библиотеки, в результате чего удалось собрать более 3000 книг.

«Бабушка сказала сидеть тихо» – дебютный роман Настасьи Реньжиной. В 2023 году он вошел в длинный список премии «Лицей».

*Посвящаю моему мужу Саше,
без которого не было бы
ни шкафа, ни Куприньки,
ни всей этой книги.*



Глава 1

Из старого шкафа – ни звука. Бабушка Зоя поставила перед ним две миски: одну с водой, вторую – с вареными яйцами и куском телятины. Поставила прямо на пол, нарочно громко, чтоб брякнула железная миска, чтоб слышал Купринька: кушать подано. Садитесь жрать без «пожалуйста».

Вода немного разлилась, затекла в щель меж досок, наполнила собой проплешину. Надобно бы покрасить пол, да вот когда? Это ж из дома уходить нужно, да на целый день, а с Купринькой такое невозможно, Купринька навеки к дому привязанный. А оставишь его, так задохнется от краски, как пить дать задохнется. Уж больно эти жители шкафов хрупкие.

В шкафу – тишина.

Сам шкаф насупился, накренился немного вправо. От старости потемнел зеркалом, поразошелся в швах, заржавел в петлях – от чего жалобно стонал, но в целом держался молодцом.

Под разохшиеся четыре ноги баба Зоя заботливо подложила свернутую во множество раз газетку. Под правые – по газетному развороту, под левые – по два (да еще и первые страницы, экий почет).

Шкаф чуть приосанился, но полностью выпрямиться отказался. Всем своим сколиозным видом он словно говорил:

«Не тронь ты меня, старика, бога ради!»

А может, Купринька и не в шкафу вовсе? Да где ж ему быть, как не там? Заглянуть бы, разузнать бы, рассмотреть бы, да ведь, поди, спрячется, не покажется, не дастся.

Это он второй день подряд дуется за то, что бабушка Зоя уборку затеяла, да такую, что из шкафа-то всю одёжу, все простыни-наволочки-пододеяльники повыволокла, растрясла их по улице, а какие и вовсе замочила в белизне да стирать принялась. Должно быть, не по нраву Куприньке пришлось, что разворошили его жилище. Должно быть, оно неприкосновенное. Он, небось, себе гнездо из баб-Зоиных платьев свил и спал преспокойно, а теперь вот все порушено. По-бабзоиному «вычищено» или «убрано».

И хотя баб Зоя еще вчера вернула весь шмот на место, и хотя запахло в шкафу свежестью и немного остатками белизны, Купринька, кажись, разобиделся: два дня отказывается принимать бабушкины дары. Говорят, им, таким как Купринька, нужно подсовывать конфеты да печенье, чтоб задобрить. Сладким брать надобно.

Бабушка Зоя со вчера положила на блюде перед шкафом свои любимые «Раковые шейки». Не конфеты, а наслаждение райское! Но наутро обнаружила их на прежнем месте. Не тронуты, не съедены.

Такие дела.

Но конфеты же не пахнут, так? Может, не понял Купринька, что ему сладостей прислали, чтобы задобрить – успоко-

ить? И вообще, как у него с обонянием-то? Чует что вообще? Нужно что-то ароматное выдумать, чтобы унюхал точно-преточно, чтобы устоять, усидеть (или в каком он там положении в шкафу?) не мог. Выполз чтоб. Поел чтоб. Простил чтоб бабу Зою. Пирог? Вот это дело! Пирог! Маковых ватрушек, Купринькиных любимых. И с яблочком еще, с яблочком, чтоб наверняка умаслить-ублажить-упирожить. А пока вот вода да яички, ну и кусок вчерашней отварной телятины. Завтрак, так сказать.

Бабушка Зоя понимала, что даров этих Купринька не примет, но кто ж знает, вдруг он есть не ест, а учет ее подаяний ведет. И если не подать, то поставит в своем умишке (или где еще) прочерк. Запомнит и как-нибудь бабе Зое отомстит. И непременно ночью, когда та спит, а он бодрствует. По ночам баб Зое кажется, что слышит она скрип (стон) двери шкафово-вой, сбитое дыхание, словно кто осторожничает, но не особливо-то получается. А потом топот босых ног по полу: на кухню – с кухни, в комнату – из комнаты.

Зажечь бы лампу, да не решается бабушка Зоя. Во-первых, вдруг испужает Куприньку (если это и впрямь он), вдруг тот взвизгнет от света, со страху, вдруг не выдержит баб-Зоиного виду в застиранной сорочке и сонного ее взгляда. У Куприньки свои дела – ночные, важные, не стоит его отвлекать. Во-вторых же, это может бабушке Зое и казаться – все эти ночные звуки. Все выдуманно ею, темнотой комнатной навеяно.

Каждый вечер наглухо задергивает баб Зоя шторы, да еще и ставни закрывает: с улицы свет не проникнет. И вот в такой глухой темноте всякое может надуматься, разное может навеяться. А то и вовсе спит бабушка Зоя, спит себе и слышит сны про скрип дверей да топот босых ног.

– На-кась, поешь-ка! – решила заговорить-таки баба Зоя. Поначалу не хотела. А то что ж – Купринька в позу, а ей терпи? Она тоже разобидеться может!

И бабушка Зоя помолчала-помолчала, с пару часов этак, а потом занемогла от вынужденной немоты. Невозможно же это: жить вот так, шуршать по дому, готовить еду и молчать. Это и скучно, и неправильно как-то. На что же человеку язык дан? Чай, не как собаке – не хвост нализывать.

– Тут вот водичка. Ее хотя б попей. Мяско вот. Правда-сь, вчерашнее ишшо. И яички. Яички... ой. – Бабушка Зоя всплеснула руками: – Яички-то не почистила! Ну надо ж! Ну, ничо-ничо, счас усе исправим, усе почистим, не беспокойси. – Сама на всякий случай прислушалась: вдруг Купринька и впрямь забеспокоился. Но нет, молчит старый шкаф. Притихли его сварливые полки, не скрипнут дверные петли. Не шелохнется Купринька. Бабушка Зоя стукнула по полу яйцом, аж прям с размаху. Тыщ! Пошли трещинки по белой скорлупе.

– Чи-ищу! Слышь ли? Чи-ищу. – Тихо в шкафу. Так тихо, что, казалось, слышно хруст скорлупы под тонкими, от старости и работы коричневыми пальцами баб Зои.

Второе яйцо хрясь об пол. А сама на шкаф зырк – ни движеньица. Яичные скорлупки сгребла бабушка Зоя с пола (да как можно шумнее) и в карман передника сунула. Не забыть бы вытащить курам на подкормку.

– Что ж. Не хошь, как хошь, – вздохнула баб Зоя, печально глядя на шкаф, словно бы с ним и разговаривала. – Я упрашивать не стану, уговаривать не буду. – Еще немного потаращилась на шкаф, после разогнулась (уж насколько смогла: полностью уже не получается – земля к себе зовет, в спине ломает) и прошаркала на кухню. Шаркала нарочно громко, пару раз аж притопнула. На кухне встала у печки да вслушалась: не скрипнула ли дверка? Не скрипнула.

Постояла-постояла бабушка, да и плюнула, вот прям слюной и прям на пол – все равно самой же потом мыть. Оголодает – вылезет. Наверное. Но от затеи с пирогами не отказалась. Достала пироговую кастрюлю. Это такая специальная, алюминиевая, большущая – руками не обхватишь, в которой только тесто месится и ничего более. И никакой варки! Никакого нагрева!

Замесила тесто, накрыла бережно полотенцем вафельным: пускай стоит-подымается. Надо бы занять себя чем-то, пока тесто подходит, а из дому боязно выйти: вдруг Купринька появится. Его ж поймать нужно будет, помыть там, накормить опять же. Это если от кушаний не откажется. А коли откажется, так силой накормить. Бабушка Зоя за порог, а Купринька тут как тут и выйдет. Опять разминутся – не

свидятся. А может, и ну его, встречи все эти? Она и без того знает, что сидит себе Купринька в шкафу, живет там и здравствует, по ночам шоркается по дому, а видеться с ним и не обязательно вовсе. Ну уж нет! Бабушка Зоя схватила чугунную сковороду и ну ее тереть. Разозлили ее эти мысли-гадания, гадины: выйдет али не выйдет, поест али не поест. Словно забот у нее никаких больше под старость-то лет нет. Вот сковороду оттереть от гари надобно. И что, что та и без того блестит, отражает морщинистое сухонькое лицо бабушки Зои, то, как седые пряди из-под платка белого повыбились, в глаза, проклятые, лезут, а в грустных серых глазах словно притаилась молодость. Она бабушку Зою давно покинула, а в глазах вот осталась зачем-то, словно напоминание о годах, еще не омраченных ревматизмом и проблемами с сердцем. А может, это просто сейчас так разозлилась на Куприньку бабушка Зоя, что заблестели ее глаза, заискрились, ожили. Хоть от злости, но все же. И чугунная сковорода намыта уже не по одному разу, и чашки-тарелки начищены до блеска золою печной, и кастрюли на полках перебраны, а тесто все еще недостаточно поднялось.

Решила тогда бабушка Зоя все же выйти за тот самый порог, который всего час назад не решалась переступить. Курей, что ли, сходить проведать? Покормить горластых да яиц посмотреть. Что ж, вечно этого треклятого Куприньку сторожить? Уж нет! Увольте! Сменила бабушка Зоя домашний передник на рабочий, скинула тапочки, сунула ноги в кало-

ши, на комнату обернулась и крикнула:

– Я к курям! Если хочешь, можешь за мной ступать! – И важно добавила: – Иди ты и все семейство в ковчег!¹ – Тишина. – Не хошь, как хошь, – повторила свое любимое баб Зоя. Дверью скрипнула и была такова.

По возвращении из курятника (а еще из огорода и свежемыветного двора) нашла бабушка Зоя очищенные яички и остывшее мясо нетронутыми, воду непитой, а тесто поднявшимся. Спасибо и на том. Хоть тесто радуется, хоть оно, родимое. Рассыпала бабушка Зоя по столу муку, рукой ее чуть прихлопнула, залюбовалась, как та в воздух поднялась да обратно осела. Тесто из кастрюли пироговой выманила да о стол его кинула. Пуф-ф – поднялась мука во второй раз. Эх, красиво. Накинула баб Зоя немного муки на тесто, чтоб то не цеплялось, за руки не хваталось, да как принялась его мять. Грубо, но с любовью. С одного бока, с другого, прокатаила по столу, и опять бока тесту наминать, сложила вдвое – растащила, смяла – расправила, правую руку – в левый бок, левую руку – в правый бок. Тесто любит, когда его мнут долго, упорно, крутят по-всячески. После делила бабушка Зоя тесто на части, раскатывала в тонкие пласты, стаканом вырезала из него кружочки, запечатывала в них яблоки. Катала квадрат, посыпала его маком да поливала сахарным сиропом, сворачивала в рулет и нарезала в будущие витушки.

¹ Бытие 7: 1 (искаженное).

Не прошло и получаса, как пополз по дому теплый пирожковый аромат, запах сладкого теста, подпеченных яблок и румянящихся в печи витулей. Вылез аромат из кухни, пробрался в комнату. Вот-вот и в шкаф проникнет, вот-вот и сдастся Купринька. Должен же? Должен сдастся! Как тут вообще устоять можно? Бабушка Зоя сложила пироги на подносе: витули с витулями, яблочные с яблочными. Себе парочку на блюде оставила, остальные накрыла полотенцем, словно одеялком, – чтоб не остыли. Налила чаю да стала ждать, когда Купринька сдастся. А тот и не подумал! Даже не пошуршал никак. Словно и нет его. Словно и не существует вовсе. Но быть такого не может! Он же настоящий! Купринька есть! Есть! Просто не хочет показываться. Да точно-точно. Не хочет и всего-то. К ночи затворила бабушка Зоя ставни, задернула шторы наглухо, зажгла свечу. Не удержавшись, взяла блюдечко с тремя витушками и пронесла его в комнату, поставила перед шкафом:

– Ну хоть так-то, – сказала. То ли себе, то ли Куприньке – непонятно. Села в комнате за столом, поставила перед собой зеркальце, перед зеркальцем – свечу, хихикнула глупо, по-девчачьи: «Будто на суженого-ряженого собралась гадать. Приходи поужинать». Сама спиной к шкафу сидит, якобы не заинтересованная. Зеркало же на дверки направила, туда всматривается, и кажется ей, что бегут тени от шкафа к полу. Тени длинные, тени страшные. Бегут сумрачные, к бабушки-Зоиним ногам подбираются. Того и гляди – схватят.

– Купринька, ты ли это? – Дрожащим не от старости, а от испуга голосом.

Да нет же. Купринька не такой, Купринька нестрашный, Купринька не станет почем зря бабушку пугать. Принялась тогда баб Зоя Куприньку вызывать:

– Выходи, Купринюшка, выходи, родненький. Выходи-покажись, пирогами моими угостись, – напевала-умасливила она жителя шкафа. – Ночь уж на дворе, ничего тяперячи не страшно. Выходи, не бойси. Выходи ко мне, миленький.

Но не вышел Купринька, не отведал бабушкиных пирогов. Ждала-ждала, да не дождалась. Звала-звала, да не дозвалась. Свечу погасила. Спать легла. Спать да к ночным шорохам прислушиваться.

И этой ночью приходили сквозь сон бабушки-Зоин и скрипы дверей шкафа, и топот босых ног по деревянному полу, и даже словно стук мисок, всех сразу – и с водой (только бы не залилась в половицы), и с яйцами, и с пирогами. И чудилось в темноте, будто вылез Купринька из шкафа и ест все принесенное-поданное разом: яйца вприкуску с витулями да телятиной остывшей закусывает. Но по утру, расшторив все окна, раскрыв все ставни, обнаружила бабушка Зоя дары все свои нетронутыми. Нет, не вылезал Купринька, не бродил по дому, не бренчал мисками – приснилось ей все это. Вот, правда, словно бы приподнято полотенце на пирогах, словно бы витулей поубавилось. Или все это старушкино воображение? Кто ж его теперь разберет.

Глава 2

Когда появился Купринька у бабушки Зои, уже и не упомнишь. Лет пять ли, шесть ли назад. А может, и все восемь. Эх, надобно было в календаре отмечать, что ли, или засечки на дверном косяке ставить. Но засечки, чтоб сроки считать, – это как в тюрьме словно бы. Негоже. И почему именно в шкафу?

Бабушка Зоя убеждала себя, что так вернее, Куприньке там теплее, надежнее. Можно было бы, скажем, под кровать поселить, но там пыль. Да и не больно-то сокрыто подкроватное от глаза людского. В остальных тумбах места все же маловато. А в шкафу более-менее свободно. А Купринька растет. Вроде как. Можно было в печь его определить – вот куда никто не заглянет, но там огонь. А не огонь, так зола – перепачкается весь. А не зола, так бабушка Зоя совочком шкрябает – вдруг заденет. Можно на печь. Там точно хорошо: тепло и подушек много, но слишком уж светло и занавесочки не спасают все от того же людского глаза. В погребе еще хорошо, вольготно, ничего, что немного влажно и слизи ползают, зато можно пошуметь, когда захочется, но Купринька на погреб не согласен. Может, бабушка Зоя придумала это несогласие, но все же ей так показалось. Так что только шкаф. И ничто иное. «Шкап» – как его называла сама бабушка Зоя. Куприньку прижила она по всем правилам:

завернула сначала в тряпицу, да не в чужую, а свою, личную. Кажись, то платок был шерстяной-собачий, теперь уж точно не скажешь: платок ли, халат ли, простыня ли. Как-то не до того было. Тряпицу эту сграбастала и в дом понесла.

Купринька сидел тихо, не шелохнулся, голоса не подал. Да его и не видно было из-под тряпок-то. И вот прям весь сверток бабушка Зоя прямо в шкаф и положила. Не разворачивая. Говорят, не нужно разворачивать-то. Это чтобы привычнее запахи были новоселу. И не трогала первое время Куприньку бабушка Зоя, ждала, пока тот пообвыкнется. Говорить с ним не понимала как. И по дому шуметь боялась: а вдруг Куприньке не понравится. А потом осмелела и заговорила (поначалу безответно), и прикармливать стала. А до Куприньки жила бабушка Зоя одна. Был у нее отец, но ушел на фронт и не вернулся. И истории геройской или не геройской – печально-тяжелой – нет. Сел с другими новобранцами в поезд на ближайшей к их деревне станции. А поезд взял, да и пропал. До фронта так и не дошел, словно испарился. И все солдатики, в нем ехавшие, враз пропали без вести. Но то на бумагах, пришедших родственникам, а что на самом деле и с поездом, и с отцом случилось, кто ж теперь скажет. Тогда не сказали, а сейчас – уж и тем более. Была мать, но то ли от тоски по отцу, то ли от болезней каких неведомых зачахла за пять послевоенных лет, оставив Зою на попечение тетки и двоюродного брата. Брат, когда вырос, мотоцикл купил. И разбился на мотоцикле этом. Не сразу, конечно: несколько

недель, а то и месяц покрасовался, погонял по деревне. А потом слетел с моста – и все, не стало у бабушки Зои (тогда еще не бабушки) и брата. У брата невеста была. Дуня. Теперь уже Авдотья Петровна Щеглова, жена председателя колхоза «Дружба», мать троих детей, бабушка семерых внуков, женщина дородная, пышная, несмотря на почтенный возраст – оч-чень даже бодрая.

После смерти брата Дуня, простите, Авдотья Петровна, еще какое-то время приходила к Зое и тетке в гости, а потом перестала. А потом и вовсе стала делать вид, что никакой Зои не знает. И по сей день с бабушкой Зоей не здоровается, что по деревенскому этикету, в общем-то, не принято. Бог ей судья, как говорится. Тетка после смерти брата еще какое-то время пожила, но тоже оставила Зою, когда той едва исполнилось восемнадцать. Самый цвет молодости, а она уже всех, кого могла, похоронила. Переехала из теткиного дома в родительский: чужого-то не надо, коли свое имеется. Заходить в родительский дом после нескольких лет отсутствия боязно, но любопытно. Екнет ли сердце? Не откажут ли ноги нести тебя за порог? А вот казалось бы: теткин дом и дом родительский на соседних улицах стоят, отчего бы не ходить, не навещаться в свой, родной? А все было некогда, а все находились внутренние отговорочки. И делать, мол, там нечего, и ходить-то туда незачем. За многие годы дом не изменился. Разве только прогнил нижний ряд бревен, нужно заменить. Крыльцо покосилось немного, но и это поправимо. А внутри

все то же, только пылью покрытое. Старая печь с чугунками, стол на кухне, посуда к обеду расставлена, так и не поели с матерью в последний раз, скрипучие полы, потускневшие зеркала, огромный шкаф, разделяющий комнату на две зоны – гостиную и спальную. Зоя прошла за шкаф. Здесь две кровати: ее и мамина. Полежала на своей, словно мала та стала, не по росту, не по возрасту. Легла на мамину. Хорошо. Уютно. Пыльно. Три дня понадобилось Зое, чтобы пыль поразогнать, перину взбить, чугунки перемыть, убрать со стола посуду – уже не отобедаем, – намыть полы, расскрипеть их постоянным хождением туда-сюда, туда-сюда. Повесить новые занавески. Привести в порядок зеркала. Разложить да развесить одежду в шкафу. Умаялась. Устала.

Вы не подумайте, женихи к Зое сватались. По молодости она, пускай, и не первой красавицей была, может, и вовсе не красавицей, но все же девушкой приятной наружности. Тонкая, хрупкая, юркая, а руки сильные, работающие. Таких в деревнях любят. Коса с кулак толщиной и до пояса. И глаза серые-серые, веселые-веселые. А как бровью пшеничной поведет, так и позабудешь обо всем на свете: кто такой, как звать, зачем пришел. Женихи сватались, да все не те, не по Зое. Хаживал к ней, например, Егор. Парень статный, парень видный, с вечно искомой в деревенских парнях косой саженью в плечах. Пришел он, помнится, к Зое и сразу в лоб и говорит:

– Давай я тебе забор поправлю, а ты за меня замуж выйдешь.

Но Зоя хитрая, так отвечала Егору:

– Давай ты мне забор поправишь, я тебя борщом напою, а за борщом обсудим твои планы на женитьбу.

На том и договорились. За борщом потребовал Егор у Зои рюмку водки. А у той отродясь алкогольного не водилось. Разве что в настойке на одуванчиках. Но Егор подумал-подумал и решил, что одуванчики пить не будет – горчат, поди. И выудил из внутреннего кармана фуфайки чекушку, себе налил (уж рюмка-то нашлась у Зои на кухне), Зое предложил, но та отказалась. Так и отобедывал: три ложки борща – рюмку водки, три ложки борща – рюмку водки. Чекушка быстро вся в Егора и ушла. Жених не растерялся, за второй сбежал. А потом за третьей. А потом рухнул головой на Зоин стол, одна рука в остатках борща, последняя чекушечка по полу звонко прокатилась.

И решила тут Зоя, что не будет женой Егора. Когда тот проспался, сообщила ему о своем решении. Егор разозлился, ушел, дверью хлопнул, да так, что только что поправленный забор повалился обратно. Егоров водочный запах после целый день выветривался. А потом Егор запил, так запил, что нашли его мертвым в канаве: уснул лицом в воду и захлебнулся.

Вся деревня трещала, что это любовь к Зое его сгубила, что Зоя ему отказала, вот он с горя и начал пить. Но Зоя-то

знала, что вовсе не она причиной Егорову пьянству. Ходил к Зое и Борис. С ним поначалу все ладно было. Цветы носил, по хозяйству кой-что помогал. И не пил. Совсем. На вид Борис был не особо красив: мелкий, без передних верхних зубов, шрам на щеке (говорил, что собака в детстве цапнула). Но разве мужиков за внешность любят?

Борис был Зое не противен, но любви все же не чувствовалось. Но разве она так уж нужна? Разве любовь – основа счастливого брака? Вон, сколько семей живут без любви, детей растят, внуков нянчат, и ничего. Ну, поругаются порой, да разве ж без ругани хоть одна семья обходится? Вот только не нравилось Зое, что Борис ее то по колену под юбкой погладит, то за ягодички в курятнике ущипнет.

– Нельзя же до свадьбы, Боренька, – хмурила брови Зоя.

Тот ухмылялся:

– Так будет же, будет свадьба, а ты пока дай тебя помазать чутка. От тебя же не убудет.

И Зоя решала, что чутка, пожалуй, можно позволить, но всякий раз, когда Борис тянул к ней свои руки, она ударяла по ним, избегала их. Словом, по-прежнему не давалась. И повторяла:

– До свадьбы нельзя.

А Борис все обещал.

– Да будет, будет свадьба. – Но замуж не звал. А потом зажал Зою как-то в чулане, юбку ей задрал, в панталоны полез, задышал ей в лицо: – Все равно же моя будешь. – Зое

так противно стало, так обидно, так липко все это. Схватила она уют, тяжелый такой, старинный, еще от бабушки оставшийся, и огрела им Бориса по голове. И убежала. Закрылась в комнате и слушает: ушел ли обидчик. А от того ни звука. Умер, что ли? А проверить-посмотреть боязно.

Так и сидела Зоя в комнате, от страха тряслась, от страха же Борису, возможно умирающему, помочь не решалась. Лишь под вечер услышала возню в коридоре да постанывания: очухался «жених». Из дома выполз. По счастью, ломиться в комнату не стал. То ли испугался, то ли плюнул. Под окнами только остановился и крикнул:

– Стерва! – Может, даже кулаком погрозил в окна или еще какой непристойный жест сделал. Кто ж его теперь знает: к окну Зоя поостереглась подходить. Высидела с полчаса, а потом в кладовую заглянула: на полу небольшое пятнышко крови, значит, не так и сильно ударила. Хорошо, что не в висок.

Зоя взяла тряпку, хлорку и долго оттирал пятнышко, а все равно от него темный след остался. Видать, в напоминание ей о том, что мужикам верить нельзя. Да загляните в кладовку – пятно и поныне там. После Бориса Зоя всех женихов по-новому мерила и неизменно отваживала от себя. У этого взгляд не нравится, этот слишком рано лысеть начал, этот как-то странно говорит, небось, что-то плохое скрывает, у этого улыбка нехорошая, у этого ручки огромные, такими и ударить можно. А этот вот вдовый, второй раз жениться

собрался, а вдруг первая-то жена не своей смертью померла? Кто ж теперь знает. Так и прожила всю молодость одна. Ближе к тридцати сватались уже к Зое меньше, а после тридцати пяти и вовсе перестали. Правда, был один старичок, сватался, когда Зое пятьдесят стукнуло. Старичок хороший, добрый, с букетами ходил и ничего не требовал, кроме чаю. Так говорил:

– Вы, Зоенька, одинокая. Я одинок. Давайте вместе жить. Мне ничего не надо, только вот скуки не терплю. А так хоть поговорим вечером за чашкой чая, телевизер вместе посмотрим. Вы вот что любите? Я больше новости. А вы, наверное, любовные сериалы?

Зоя пожимала плечами:

– Наверное.

Старичок продолжал:

– Спать можем на разных кроватях. Так лучше. Так удобнее. Вот вы по ночам не храпите?

– Не храплю, – отвечала Зоя.

– Это ж замечательно! – восклицал старичок. – Просто замечательно! Я тоже, знаете ли, не храплю. Вот, видите, мы с вами идеально друг другу подходим. – Зоя зачем-то согласительно кивала. – Так что же? Решено? Съезжаемся? – торопился старичок с совместным проживанием.

– Решено, – соглашалась Зоя.

– Жить, я думаю, будем у вас. У вас огород поболее, да и курицы имеются. Не тащить же их ко мне. Правильно?

– Правильно, – подтверждала Зоя.

– Что ж, тогда по рукам, – старичок осторожно коснулся Зоиной ладони. – Сегодня вещи собираю, а завтра с утра к вам переезжаю. Ну, прям стихи! – Зоя согласно закрыла глаза. Но не приехал старичок. Помер. Нашли его следующим утром в его же доме посреди груды полусобранных вещей. Отказало сердце. Хотелось бы верить, что от счастья.

Зоя еще кота завела, чтоб от скуки не так маяться. А надо было кошку! Кот едва подрос, стал из дома уходить – гуляющий оказался. Неделями не видать. Вернется, под окнами заорет, как блажной, бабушка Зоя ему вынесет сметаны, воды да прочих яств. Кот нажрется – и спать. Его бабушка Зоя немного повычешет, клещей повытащит, приведет чулка в порядок. А кот выспится и опять шляться. Так что даже кот не составил компанию бабушке Зое. Вот и жила одна с приходящим котом да курицами, пока не появился у нее Купринька.

Глава 3

– Скажу тебе сказочку. – Бабушка Зоя привалилась спиной к дверке шкафа, складки на переднике расправила, руки сверху положила. – Коли не выходишь, так слушай же. Жила-была королева. Лучше – царица, потому что было у нее свое ма-ахонькое, но уютное царство. Вот только жила в своем царстве царица одна-одинешенька. Забегали к ней рыцари заморские, да всех спровадила, ибо неча тут в ее царстве доспехами своими пол пачкать да бряцать на весь двор железяками энтими! У рыцарей же как: лапти железные острые, больно пинаются, а штука эта, ну, что на лице, как ее там? Где шлем которая. Тьфу-ты! Забыла! В общем, стучит она противно, хуже челюсти вставной. О как. Неча таких рыцарей во дворы царские пускать, а про покои и вовсе молчу. Хорошо было царице, вольготно, да только скучно, хоть целый день зевай да мух в окне считай, лови их и крылья отрывай потехи ради. – Тут бабушка Зоя спохватилась: – Ты только так не смей делать? Хорошо? Крылья мухам не отрывай! Это царица от скуки так хотела, да и то не делала. Понял? Да-а. Дальше вот что. Завела себе царица не мышонка, не лягушку, а неведому зверушку. Зверушка хороша, добра, презанятна. Жаль только, неласкова. Стала тогда царица за зверушкой ухаживать: кормить, поить, умывать, гребешком шерсть чесать, песни петь колыбельные. А зве-

рушка та неблагодарной оказалась: в одну ночь цап царевну за руку, ну укусила то бишь, и убежала. Уж как царевна плакала, как звала свою зверушку, та не выходила. Решила царевна, что убежала зверушка в лес темный, лес еловый, да в самую чащу, да съели там зверушку лесные звери, разорвали на кусочки, обглодали белы костоньки и не подавились. Оделась тогда царевна во все черное с головы до пят: черный сарафан на черную блузку, черные колготы, черные туфли, а на голову повязала черную ленту. Оделась во все черное и стала чахнуть. Чахнуть? Знаешь, что такое? Это значит плохо ей было, она стала такая кривая вся, косая, серая на лицо, то-о-о-ощая. Понял? Да-а. И без того было царевне скучно жить в ее уютном царстве, а без зверушки стало ну совсем невыносимо. Чахла-чахла царевна, да и сдохла наконец. И тогда-то выползла зверушка царевнина из подпола – она там все это время пряталась и причитания царевнины слышала, и как сохла та, видела – да поздно уже. Не вернуть царевны, не оживить кормилицы. Завыла тогда зверушка с горя. Выла-выла, а потом взяла и тоже издохла, потому что исть стало нечего. Вот и сказочке конец. Слушал ли? Молодец ли? Сказка, знаешь, ложь, а в ней намек. Понимаешь меня, Купринька?

Но молчит Купринька. Ничего он в сказках не смыслит, никаких уроков из них не выносит. Надобно бы баб-Зоины сказки записать в одну тетрабочку, мало ли кому потом пригодятся. Али самой для памяти. Купринька-то читать вряд

ли сумеет, ему ни к чему. Дай бог, если выслушает. Дай бог, если поймет, что к чему в бабушкиной сказке. Уж сколько она их порассказала ему! У-у-у, не перечеть! А все впустую, а все зазря. Не учат ничему Куприньку сказки, особенно через шкаф сказанные. Он, небось, и не слушает их вовсе. Или так, в пол-уха. И ничего, что уши у Куприньки ого-го какие – лопаухие. Бабушка Зоя свои, нелопоухие, наострила: слушала-слушала шорохи в шкафу, а ничего не расслышав, вдруг запрочитала:

– Бедная я, несчастная. Никому-то я не нужна горемычная. Никто меня не приголубит, сиротинушку. – И слезу пустила. Слезу, конечно, ни к чему, все равно Купринька не видит, но так все же убедительнее. Самой себе тоже верить надобно. – Жила-жила себе распрекрасно, – продолжала бабушка Зоя. – А потом нате, получите-распишитесь Куприньку вам. А тот, неблагодарный, мяса моего не ест, пирогов моих не кушает, лишь кровь мою пьет. – Тут она ка-ак принялась биться головой о шкаф, сначала слегка, потом все сильнее, сильнее, сильнее. СИЛЬНЕЕ. И вот уже того гляди и затылок расшибет в кровь. Глаза у бабушки Зои закатились, лишь белки торчат. Белки желтоватые от старости или от проблем с печенью – решать этот вопрос некогда. Волосы из пучка повыбились, наэлектризовались от частых ударов или от мыслей дурных, дыбом восстали и словно даже шевелятся. Этакая баб Зоя-горгона. И вот она уже бормочет что-то страшным трубным голосом, что идет словно из самого

ее чрева:

– Зачем... Мн-мн-мн. Без-з-з-з. Утащить. Утащить. Ута-
ута-ута-та. Та-та-та... О-о-ома... о-о-о... м-м-м... м-м-м...
м-м-м... неблагода... р-р-р-ры... ры-ры-ры-р-р-р. Не. Бла.
Зачем-зачем-зачем-зачем? А? А? М-м-м... о... о-о-о... взя-
ла. Взяла-а-а. Не мое-о-о-о. Не надо-о-о-о. Взяла-а-а-а. Вер-
нуть-вернуть-вернуть-не верить. Мое. Не отдам-м-м-м. –
Глаза закрыла. Из стороны в сторону покачивается и твер-
дит: – Мое-мое-мое-мое. Не отдам-м-м-м. – А потом как по-
валится на пол. И как стукнется, и звук такой, будто дере-
вом по дереву, – ПУК. И лежит. И словно не дышит. И нико-
му нет дела до бабы Зои. А потом по телу ее побежали мел-
кие судороги. Вся в конвульсиях дергается, по полу мелкой
дробью расходится. Особенно громко в ногах, там домаш-
ние тапки помогают – вторят ударам. И замирает. Затихает.
Успокаивается. Лежит себе смирно. По щеке слеза катится,
теперь уже настоящая, не вымученная-выдавленная, а та, ко-
торую приходиться не просили, а она все равно накатила. Да-
же тут не вышел к бабушке Зое Купринька. Не пожалел ее.
Не испугался, что останется один-одинешенек. Нет ему дела
до этого всего. Ему хорошо в шкафу, спокойно, а все, что за
шкафом творится, – не его забота. Полежала-полежала ба-
бушка Зоя на полу, а потом враз вскочила (уж как старушки
могут вскакивать), отряхнулась, громко отряхнулась, чтобы
слышно было сквозь шкаф, бубнить принялась: – Все-то ему
ничего. Все-то ему всё равно. Пригрела змеюку на груди сво-

ей под старость лет. Господь будет судьей между мной и тобой². У-у-у. – И погрозила пальцем шкафу. А толку-то? Все равно Купринька ее не видит. Одернула бабушка Зоя передник, ногой притопнула, аж как-то театрально получилось, не совсем взаправду словно. Но топай не топай, а внимания не добьешься. Пустое это. Пустое и детское, что ли. Купринька вон ногами не топает. Получается, он взрослее бабушки Зои? Получается, что так. Так что не нужны ему сказочки, он не верит в них. А где ж тетрабочка с записями? Бабушка Зоя порылась в мешочке под зеркалом: там доживали свой век старые газеты, ожидая, когда их пустят на заклею осенних окон, хранились поздравительные открытки от дальних родственников, которых не помнишь на столько, что они уже и не родственники словно бы. И пряталась та самая тетрабочка в косую линейку. Сорок восемь листов. Исписано пять. Стало быть, это бабушки-Зоин дневник, что ведется нерегулярно, по самым важным событиям. Вот, скажем: «Понедельник, 2 марта (год не указан). У меня появился он». Запись короткая, потому что день был нервный и суетный. Больше написать не нашлось тогда ни сил, ни времени, а отметить дату хотелось все же. Какой же это год был? 2010-й ли, 2012-й ли? Нужно было сразу записывать. И Купринька тогда еще не Купринькой был, а так – безымянным. Купринькой он чуть позже стал. Где же это? Ага, вот: 5 мая, опять год не написан. «Предумала новому житилю имя. Назвала Купринь-

² Бытие 16: 5 (иск.).

кой в честь писателя Куприна». У бабушки Зои книг немного, две всего: Библия и томик рассказов Куприна. От матери еще достались.

Бабушка Зоя их не читала, это вообще не ее – читать. Глаза болят, да и зрение с юности ужасное, да и дел без чтения по дому полно. До того ли? Библию, правда, полистала, кой-какие цитаты оттуда выхватила, постаралась запомнить, а что с первого раза не усвоилось, то еще перепрочла. Все так, урывками – на этой странице предложение, на той другое.

Вот и хватит с бабы Зои. Но томик Куприна был ее любимым. Темно-синий, с истершимися золотистыми буквами, шероховатый.

Бабушка Зоя часто снимала его с полки и гладила, гладила, гладила морщинистой рукой, окончательно стирая золотые буквы на обложке. Книга медленно увядала и старилась вместе с бабушкой Зоей. Придет время, и она так же окончательно посереет, стухнет и умрет. Закопают Куприна в землю вместе с бабушкой Зоей: она будет гнить, поедаемая червями, отделяться плотью от костей, а томик развалится постранично и осыплет белые баб-Зоины косточки бумажной своей трухой. А вот еще в марте, уже другого года: «Купринька шумит. Марья приходила, чуть ни выдался ей. Сказала ей, что крысы в подполе завелись. Кажись, поверила. Марья чай пила, а я все слушала, не будет ли еще шуршать». И на следующий день: «Марья всем растрезвонила, что я го-

ловой тронулася. Говорит, что мне шорохи мерещатся там, где их нет, и что я глазами странно кошу, когда чай пью. Будто у меня в комнате кто сидит, а там нет никого на самом деле. Я вот что думаю: пускай так думают обо мне. Так лучше, чем про Куприньку моего прознают. А сумасшедшую и стороной обходить начнут». Но не начали. Иногда за спиной баб Зои у висков пальцами крутили, но в гости все равно навещались. Беда-беда. И не спровадишь ведь, не выставишь, в чае да баранках не откажешь. Как-то не по-соседски это, не по-деревенски. Не поймут, нет. Ну, а что пальцы у висков? Пусть себе крутятся! Жалко, что ли? Лишь бы не переломались. Да, тетрадочку бы вести почаще стоит. Записей мало, да все короткие. Самая длинная про Марью как раз.

Нет, бабушка Зоя не ленивая вовсе. Нет. Просто писать не любит – глаза уже не те. Больно напряженно писанина эта выходит. А память нужна.

Хорошо бы Куприньку фотографировать, тоже для памяти, да нельзя. Отчего нельзя, бабушка Зоя толком не знает, просто чувствует так, что не стоит этого делать, не стоит. Вот сказку бы сегодняшнюю позаписать. Хорошо-неплохо. О чем она там? О царевне была, что в одеждах черных издохла от грусти. О царевне... Ну, какая же она царевна? Вот, какая с бабы Зои царевна? Погорелого театра! Ишь, чего думала: не желаю вроде как быть столбовой дворянкой, а мечтаю быть владычицей морской! Где мое разбитое корыто? Не то ли, в котором Куприньку купаю? Или не корыто это вовсе, а жизнь

моя вся разбита, да так, что к рыбке не ходи, рыбку не проси ни о чем. Тьфу ты ну-ты! Сплошные сказки в голове! Надобно будет еще Куприньке рассказать. Коли выйти надумает.

Глава 4

– Купринька, радость моя, выходи! Возведи глаза твои и посмотри к северу, к югу, на восток и запад³. Вечор уж наступил.

Сегодня отобедал Купринька бабушкиными щами, по чему можно считать, что простил. Всю тарелку вылакал и хлебушком закусил. Любо-дорого. Так что к вечеру приготовилась бабушка Зоя ко свиданьицу. Едва сумрак наступил, ставни захлопнула. Но ставни старые, старше бабушки Зои, поиссохшиеся, щелятся местами, поэтому на всякий случай окна еще и зашторила. Шторы плотные-плотные, ни свет, ни недобрый взгляд не пропустят. Разожгла тут да там свечи и одну лампадку, оставшуюся с незапамятных времен. Можно, конечно, и электричество бы оставить, но на всякий случай лучше все повключить. И от соседей, чтоб не долбились в дверь, чтобы точно видели: в доме все спят. Ведь, коли свет электрический в щель дверную кто углядит, не отнекаешься, не оправдаешься, чего эт не отворяла. А свечное свечение и само в щели не ползет, а ежели уж и просочится как-то случайно, то всегда можно на ночник списать. Боюсь, мол, совсем-то без света спать, нужна мне крохотная лампочка, чтоб кошмары ночные отгонять. А потом Купринька света

³ Быт. 13: 14–15 (иск.).

большого боится (баб Зоя так порешила). Потому и днем из шкафа не выползает. А по ночам – только при свечах. А ему надобно хоть маненько прогуляться, хоть по дому из угла в угол – и то хорошо.

«Встань, ходи по земле в долготу и ширь»⁴. Бабушка Зоя поскреблась по дверкам шкафа:

– Выходи, милой, выходи. – Купринька поскребся ей в ответ. – Давай-давай, – поторапливала его бабушка Зоя, – ужин уже стынет. Дверь тихонько скрипнула, приоткрылась, и выкувырнулся наружу человек. Сам махонький-махонький, про таких пишут сказки, где их «Мальчик-с-пальчик», пузо на выкате, голова лохматая-прелохматая, месяцами нечесаная (не дается ни подстричь, ни расчесать). Карие глаза, даже не карие – почти черные, что смородинки, по комнате быстро прошарились и успокоились. Человек отполз на четвереньках от шкафа, после привстал и уже лягушкой до дивана доскакал.

– Телевизер не будем сегодня глазеть! – сказала бабушка Зоя. – Вредно. – Человек словно бы ее понял, иначе отчего это он завыл протяжно? Чуть ли не по-волчьи, только что голову кверху не задрал. Ох, и громко еще так. Бабушка Зоя инстинктивно закрыла ему рот ладонью:

– Тишь ты! Тишь! Услышат же! Тс-с-с. – Человек оттолкнул ладонь от лица своего, разворчался, что собака, у которой кость отбирают. Даже зубы чуть оскалил. Звереныш

⁴ Бытие 13: 17 (иск.).

– ни дать ни взять. Но бабушка Зоя завесила телевизор покрывалом: был экран и пропал.

Купринька рот от удивления открыл и глаза протер. «Ф-ф-ф-ф», – распыхтелся. Каждый раз этот фокус проворачивается бабушкой Зоей как впервые. Пропадает телевизор под покрывалом бесследно. Хоп – и нет ничего, одна тряпка болтается, и смотреть уже не посмотришь. И Купринька, наивное, глупое дитя, верит, что все исчезло бесследно – весь телевизор, все программы вместе с ним. Купринька один раз выглянул раньше положенного из шкафа, вечер был, но еще не полностью стемнело. Бабушка Зоя смотрела новости и не заметила, как Купринька пробрался за диван и стал смотреть вместе с ней.

А в новостях что? Ничего ж хорошего каждый день. Рубль падает. Американцы расстреливают друг друга, это все потому, что у них там оружие даже младенец может так просто взять и купить. Шахтеров вон завалило, пятеро под землей все еще. А в Сибири пожар, не потушить. Террористы опять же везде: убивают.

Нельзя Куприньке такое смотреть. Никакое Куприньке нельзя смотреть! И самой бы бабушке Зое перестать, да это ж как наркотик: едва шесть пробьет (а у бабушки Зои именно такие часы, что бьют каждый час, негромко, но бьют), как ноги сами к дивану несут, руки сами пульт в руки берут, а там уже «Добрый вечер. В эфире новости».

И пропал. И не слышишь ничего, и не видишь ничего –

информацию впитываешь. Но маленько все же нужно, иначе откуда еще правду о том, что в мире творится, узнать? От Анфиски-балаболки из третьего дома, что ли? Или все же от Екатерины Андреевой? Анфиске никто в деревне не верит, а Андреевой – вся страна. Так-то. Куприньке же не положено знать, ни кто такая Анфиска, ни кто такая Андреева. Неизвестно, что он от этих особ понахватается. Он ведь жизни не видал! Не то что бабушка Зоя, вот та может отличить, как говорится, зерна от плевел, правду от вранья бесстыжего. То-то же! А Купринька взял и подглядел. взял и отсмотрел целый выпуск новостей. Там, правда, не Андреева была, другая какая-то ведущая, фамилию не упомнишь уже. И бабушка Зоя Куприньку не заметила, пока тот не крикнул из-под дивана: – У-у-утин. У-у-утин.

В тот вечер много про президента говорили. Бабушка Зоя испугалась, подпрыгнула на диване. Увидела Куприньку и испугалась еще больше.

– Ты зачем вылез? – закричала бабушка Зоя. Руками замахала. – Нельзя! Нельзя! Фу! Назад! Назад! – Подопнула легонько Куприньку к шкафу. Купринька зарычал, засопровтивлялся, к телевизору кинулся и ну по нему рукой колошматить. – Фу! Фу! – еще громче закричала бабушка Зоя. А Купринька не унимается. Схватила его тогда бабушка в охапку и в шкаф кинула. Как и сил хватило.

Купринька в шкафу колотится, кричит оттуда:

– У-утин! У-утин! – Пришлось бабушке Зое привалиться

к дверке спиной, чтоб не вырвался. Насилу тогда успокоился, все бился и бился в дверь, аж шкаф дрожал да трясся. С тех пор к телевизору Купринька не допускается. Не забывать бы еще экран занавешивать, чтобы не бередить первобытные чувства человека. Купринька отвернулся от завешенного покрывалом телевизора.

– Ням, – говорит.

Бабушка Зоя расплылась в улыбке:

– Это можно. Это я могу. Все труды человека – для рта, а душа не сытая⁵. Ступай за мной.

Купринька перекувырнулся через голову, попробовал повторить за бабушкой Зоей – пройтись прямо и на двух ногах, но не удержался, бухнулся об пол. Не заплакал. Голову почесал недоуменно, а затем по-привычному, отклячив попу кверху, на несогнутых задних лапах, быстро-быстро перебирая передними. Бабушка Зоя оглянулась, ухмыльнулась: уж до чего смешон Купринька, до чего забавен. За стол его сама усадила, а то опять всю посуду сметет, за скатерть хватаясь. Бывало уж такое, и не раз. А коли скатерть убрать, то уж совсем не по-человечьи выйдет.

Первое время пыталась баба Зоя Куприньке в миску еду насыпать да под стол ставить, но как-то оно неудобно: кто-то шебуршит под ногами, чавкает, разливает и рассыпает все. И потом, как проконтролируешь, хорошо ли поел Купринька, сытно ли, до пуза ли, аль развозил все по полу, в щели

⁵ Екклесиаст (гл. 6, ст. 7) (иск.).

затолкал и справился? Да и первое время Купринька совсем беспомощный был, без бабушки Зои не справлялся никак. Так что пришлось приучать его за столом сидеть (худобедно получилось) да кормить самой с ложечки.

В дни, когда Купринька дулся, вот как вчера да позавчера, выманивать его из шкафа едой, а как вылезет, все равно за стол усаживать. Что ж он, зверь какой, что ли, чтоб не за столом есть?

– Куда ж ты торописся, чудушко? – Бабушка Зоя легонько шлепнула Куприньку по рукам, которыми он пытался залезть с тарелку со щами. – Горячо же еще! Горячо-о, жог-жог, – приговаривала бабушка, дую в тарелку.

– Фу-у-у-у-у, – пытался повторить за бабой Зоей Купринька. Он смешно надувал щеки, краснел и громко выдыхал, но воздух направлял куда-то в сторону, не на суп, а больше к окну или в угол куда.

– Ай, сама! – махала рукой бабушка Зоя. – Сама справлюси. – Затем хватала ложку: – Ну-кась, теперячи попробую. – И еще раз, подув на ложку, отправляла щи себе в рот. – Нормально, – выносила вердикт. – Подостыли ужо. – Спohватившись, бросилась к печи, схватила полотенце и повязала его Куприньке на шею. – Чтоб не увазюкался, – пояснила ему. – Исть нужно по-человечьи, понимаешь? В надгруднике и приборами, – с этими словами вновь взялась за ложку, вновь окунула ее в щи, вновь сунула себе в рот, пожаткала вставной челюстью, а затем выплюнула суп, превративший-

ся в кашлицу, обратно в ложку. – На-кась, ешь, – и протянула ложку Куприньке. Тот нехотя раскрыл рот. – Да поширше! Поширше! Ши-и-ирше давай! – скомандовала бабушка Зоя. – А то все щи по столу разольются. Ну! Купринька разинул рот поболе. – О-от, другое дело, – пропела бабушка Зоя и варварски засунула ложку ему в рот, задев твердое нёбо. Купринька аж закашлялся. Бабушка Зоя тут же подскочила и ну стучать со всей старушечьей силы Куприньке по спине и приговаривать:

– Куды? Куды ж ты торописся? Там и давиться ужо нечем, а он, глядите-ка, подавился. Нет, не стать тебе человеком, не стать ни в жисть.

Купринька потупился.

– Бу, – только и сказал.

– Вот тебе и «бу», – передразнила его бабушка Зоя. – Хлеб будешь? – И, не дожидаясь ответа, отломил четверть хлеба, разжевала его в тюрю, щедро приправив его слюнями, чтоб мягче был, вывалила хлебную тюрю на стол. – Вот. Закусывай. – Купринька ткнул в то, что пять минут назад было хлебом, пальцем. – Да черный это, черный, – успокоила его бабушка Зоя. – Сайку больше не покупаю, не бойси. – И, дабы ускорить ужин, схватила пережеванный хлеб и втолкала его Куприньке в рот. – Можешь не жевать, – уточнила. – Так глотай.

Во время ужина бабушка Зоя работала за двоих: жевала себе, жевала Куприньке, кормила себя, кормила Куприньку.

Устала, разумеется. Утомилась. Но Куприньку еще помыть надобно. Купание он невзлюбил с самого первого дня. Вот как заблажил, едва только бабушка Зоя опустила его в таз, так и по сей день блажит, едва воды коснется. Термометров баба Зоя не имеет, действует по старинке, определяя горячесть воды локотком. Но то ли локоток под старость лет подводит своей нечувствительностью, то ли Купринька такой неправильный, но все ему горячо: тельце краснеет все, как после жаркой бани, а сам он орет. Хорошо, что не во все горло. Знает, что орать нужно тихо, а не то...

Тут бабушка Зоя по сей день так и не объяснила Куприньке, что произойдет, все равно не поймет. Да она и сама толком не знала, что будет: соседей вот опасалась, как бы не услышали.

С годами Купринькин ор перешёл в тихое повизгивание, не столько громкое, сколько неприятное. Так что, как ни крути, мероприятие их ждало «нервенное». Хорошо бы намазать хоть раз в неделю Куприньку в баньке. Но то нужно за полночь, чтоб никто не увидел лохматого. А после полуночи, как всем известно, время Банного. Тревожить его не стоит, в баню путь закрыт.

Куприньке с Банным встречаться ни к чему, неизвестно, чем такая встреча кончится, но уж точно ничем хорошим. Так что мыть приходится Куприньку в железном круглом тазу прямо посреди кухни. Бабушка Зоя нагрела воды на печи, опробовала ее локтем и чутка разбавила холодным. С бо-

ем усадила Куприньку в таз: малец начал постанывать, едва ненавистный ему предмет гулко стукнулся об пол.

– Да будет тебе, – проворчала бабушка Зоя то ли на Куприньку, то ли на таз, осмелившийся громыхнуть. В тазу Купринька расстонался-разохался еще громче. Пришлось его успокаивать. – На вот! – буркнула бабушка Зоя и сунула лимонную карамельку Куприньке в рот: это должно успокоить его на какое-то время.

Купринька и впрямь утихомирился, принялся перегонять карамельку из одной щеки в другую, лишь изредка ойкая, так как вода в тазу все же была невыносимо горяча для его чувствительного тельца. Бабушка Зоя сняла со стены мочалку – второй после таза ненавистный Куприньке предмет. Грубая, хоть и из самого лучшего липового лыка, драла она и без того раскрасневшуюся кожу так, словно не мытье то было, а казнь.

Бабушка Зоя окунула мочалку в таз. Купринька невольно отодвинулся от кудлатой обидчицы.

– Ох, а мыло-то позабыла, – всплеснула руками, а заодно и мокрой мочалкой, бабушка Зоя. И полезла за мылом под скамью. Там, в коробке, хранилось несколько брусочков настоящего хозяйственного мыла. Есть сейчас такое, на котором пишут «хозяйственное», а на деле в хозяйстве такое мыло никак не пригодно. Состав не тот. Шампуни и прочую лабуду бабушка Зоя не признавала ни для себя, ни для Куприньки. Вот, скажите на милость, поможет ли шампунь спра-

виться с грибком, ну тем самым, что меж пальцев и в ногтях? Нет. А хозяйственное мыло – вмиг! То-то же! Бабушка Зоя напенила, уж как смогла, мочалку мылом и ну тереть Куприньку во всех местах.

В глаза попало? Не реви! Сам виноват, что глаз не закрывал.

– Волосья-то, волосья дай хоть чуть-чуть промыть, чучело ты мое лохматоё. – Не любил Купринька, когда ему в голову залезают. Ох, как не любил. Тут уж он и головой вертел, брызги во все стороны, и рычал. А разок даже укусил бабушку Зою. Хорошо, что следов наутро не осталось, а то ж в видное место – прям за кисть. Так что бабушка Зоя принималась мыть Куприньке голову, но всякий раз отступалась. Ну его, пускай лохматый и невымытый ходит. Морду чуть натерли, и то ладно. На сей раз мыла Куприньку долго, а то он уже два дня, что опалу бабушке устроил, невымытый сидел. Нужно всю пыль шкафную из него повывести-повымыть. Будет знать, как запираться надолго. Купринька постанывал, дергался, едва его касалась обидчица-мочалка, но терпел унижения мытьем. Видать, понимал, что провинился. Нес, так сказать, свой мыльный крест безропотно. И очень уж громко выдохнул Купринька, когда достала его бабушка Зоя из таза да накрыла вафельным полотенцем и сказала заветные, освобождающие слова: – С легким паром, с мокрым задом! – Затем принялась растирать Купринькино тело полотенцем. Терла-терла, а потом глядь – а Куприньки-то и нет. Вот толь-

ко что стоял под полотенцем и исчез. Мокрые следы привели на середину комнаты и оборвались.

– Купринюшка, ты где, милой? – Тишина в ответ. Шкаф затворен, а заглядывать в него боязно. Он теперь поделен на две половины: с бабы-Зоиной одеждой и Купринькину. Во вторую соваться не следует. А был ли Купринька? С ним ли ужинала бабушка Зоя? Его ли мыла?

Глава 5

– Ильинична! По землянику идешь? – Ильинична – это бабушка Зоя. Приятно полностью познакомиться. Зоя Ильинична осторожно отодвинула шторку, тюль про всякий случай трогать не стала. Ну, мало ли. Под окном торчали, что две бледные поганки в цветастых платочках, упомянутая здесь некогда Марья (она по батюшке, значит, Петровна) и подружайка ее – Анфиска.

Смотрелась эта парочка презанятно. Марья такая крепкая, но не толстая, нет, вся округленькая, про таких говорят: есть за что подержаться, невысокая, темнобровая, круглолицая и круглоносая (нос у нее, конечно, совершенно выдающийся). И какого-то неопределенного возраста: вот, то ли сорок пять, то ли все семьдесят, так сразу и не поймешь. Бывают же такие женщины! И Анфиска – длинная, тощая, без намеков на округлости. Больше – квадратности. Глазки маленькие, щурые. Брови тонкие, выщипанные. На голове – копна рыжих от хны кудрявых волос, столь непослушных, что даже из-под платка во все стороны лезут. Будто норовят от Анфиски сбежать. Анфиска – ровесница и Зое Ильиничне, и Марье, но отчего-то по отчеству ее никто никогда не звал. И даже Анфисой не звал. Только так, словно плюясь, – Анфиска. И даже Анфискин муж (а он у нее, как ни странно, имеется, терпит этакую занозу) жену ни разу ласковым

словом не подозвал – Анфиска, и все тут. А баба, вроде, хорошая, работающая, не страшная, опять же. Только больно уж вредная. И сплетни страсть как любит. А коли сплетен нет, так она сама их выдумает, сама же разнесет, сама же потом выспрашивать подробности у других станет. Не любила бабушка Зоя Анфиску. А Марью опасалась. Марья – баба умная так-то. Мало ли чего.

– Что за тюлем прячашьси? Идешь али нет? Семеныч сказал, что назрела ужо. На нашей старой поляне.

Земляника – это хорошо. Это любо-дорого. Это сладко. Немножко бы набрать неплохо было: Куприньке варенья сварить и чуть-чуть так поесть. Добро. Да вот как же его оставить-то одного? Сегодня уже бабушка Зоя за хлебом ходила, а у нее правило: больше одного раза в день Куприньку без присмотра не оставлять. Но земляника – хорошо. Сладко. Эх, была не была. Бабушка Зоя приоткрыла форточку и шепнула кумушкам:

– Иду-иду, сейчас. – Шепотом – это чтобы Купринька не расслышал-не прознал. А то вдруг в лес за ними увяжется, Марью с Анфиской перепугает, а то и вовсе заблудится. Купринька для леса непредназначенный, там и без него своих лохматышей хватает. Там всякие лешие, еловые батюшки, канавные водяные, кикиморы болотные, русалки озерные. Куда к ним еще и Куприньку? И зачем? Он ведь домашний весь. На цыпочках пробралась бабушка Зоя на кухню, стащила с печки лукошко, потом подумала и взяла еще одно –

поменьше, а первое обратно засунула.

Лучше быстренько набрать маленькое и домой бежать.

Выгребла из-за двери палку – единственную ее опору в этом мире. Опору в прямом своем значении: без палки и до леса не дойти бабушке Зое. Переодеваться не стала, в домашнем тоже сойдет за земляничкой наклоняться. А ежели и сверкнет разок исподним из-под драного халата, так и бог с ним. Кому нынче бабкины застиранные панталоны интересны? Вот и Зоя Ильинична решила, что никому.

Тихонечко-легонечко за уголок потянула платок, не менее цветастый, чем у Марьи с Анфиской, наскоро его повязала, наскоро же сбрызнулась от комаров пшикалкой и ме-е-едленно приоткрыла дверь.

Скользнула в образовавшуюся щель, а потом с минуту закрывала дверь обратно. Лишь бы не хлопнула.

– Ну ты, Ильинична, этот... как его там? Нинзия! – хохотнула Марья, когда бабушка Зоя выросла между нею и Анфиской.

– Кто-кто? – не поняла Зоя Ильинична.

– Нинзия! Это персонаж такой, – пояснила Марья. – Двигается бесшумно. Шустрый такой. Это меня внучок научил. Я по утру встану, пирогов напеку, его не разбудив, а он потом просыпается и говорит: «Ну ты, баушка, и Нинзия». – Марья сощурила глаза и зачем-то добавила: – Вот, были бы у тебя внуки, они бы тебя еще и не такому бы научили. А так хоть я расскажу.

По больному прошлась. Фу! Хоть и не ходи теперь по землянику с этой растреклятой Марьей! Но что уж теперь, теперь уж вышла, обратно не воротишься. От дому едва отошли, Анфиска принялась за свое за любимое – за сплетни. Правда, баба Зоя не сразу то смекнула.

– Ты, Ильинична, в последнее время какая-то странная стала, – говорит Анфиска. Сама щурится подозрительно так.

– Чего это? – возмутилась бабушка Зоя.

– Затворничаешь все. В гости не зовешь, и сама по гостям не ходишь. – Анфиска замолчала, но и Зоя Ильинична отвечать не стала. Тогда Анфиска, не сдержавшись, прибавила с усмешечкой: – Словно жениха себе завела и теперь с ним прячешься, шторами вон закрываешься круглы сутки.

Бабушка Зоя пожала плечами:

– А мож, и завела. А мож, и прячу. Тебе-то какое дело? – Уж пусть лучше Анфиска по деревне трезвонит про любовные похождения бабушки Зои (все равно в них никто не поверит), чем будет еще какие догадки строить. Кто ж ее знает, возьмет и случайно до правды докопается.

– Никакой у нее не любовник, – вставила Марья. – У нее там житель. – Бабушка Зоя вздрогнула, по телу пробежал разряд, руки свело, пальцы вжались в ручку лукошка, а по спине потекла крупная капля пота.

– Какой такой житель? – Анфиска аж уши приоткрыла, платок за них завела. Видать, чтоб лучше слышно было. Ох, стара уже, стара стала Анфиска. И уши уже не те, и сплетни

не те. Угомонились бы под старость-то лет, так нет же, все лезет и лезет, куда не надо. Вот вредная все-таки баба!

– А Ильинична не говорит, – ухмыльнулась Марья. – Да, Ильинична? На крыс ссылается, но не крысы то. Уж я крысиную возню от любой другой отличу. У самой не раз заводились в хлеву. А у Ильиничны вовсе не крысы, нет.

Так вот оно что! Вот зачем они бабушку Зою с собой звали: в деревне, видать, сплетен не осталось, за старые принялись. Ух, кошелки старые! Так. Нужно думать быстро, отвечать быстро. «Быстро» – это вообще применимое к старости слово?

Была не была, в домовых многие верят! Чего тут бояться?

– У вас тоже такие жители имеются, – осторожно ответила Зоя Ильинична. – У каждого в доме. – Ну, давайте же! Давайте, шевелите мозгами, догадывайтесь, на что намекается.

– Ты про домовых, че ли? – нахмурившись, спросила Анфиска. – Сообразили, наконец! Доперли.

– Ну, – неопределенно ответила бабушка Зоя. Нужно сделать так, словно это они сами придумали про домового, что это не она им сообщила.

Марья решительно тряхнула головой:

– Уж нет! У меня никаких домовых не водится. Это все пережитки прошлого, ваши эти домовые, банные. Еще скажите, что существуют привороты, сглазы, а чтобы ячмень вылечить, надобно в глаз плюнуть.

– А как еще? – возмутилась Анфиска. – Кроме плевка, и

не помогает ничего!

– Ну и дура же ты, – глядя в глаза Анфиске, сказала Марья.

– А в лешего ты тоже не веришь? – уточнила бабушка Зоя.

– Не-а, – протянула Марья. – Не верю.

– Что ж, надеюсь тогда, что он тебя за такие слова в чашу не утащит, – усмехнулась бабушка Зоя и нырнула за можжевельный куст. Старушки как раз к лесу подошли. От него до деревни по грейдированной дороге всего-ничего – метров пятьсот. До черничных кустов и клюквенных кочек на болотах, конечно, еще добраться нужно, а вот земляничные поляны прямо тут, прямо сразу при входе, далеко ходить не надо. Бабушка Зоя нарочно ушла вбок, подальше от земляничной поляны, чтобы не слушать трескотню Марьи и Анфиски. Ну их, сплетниц! Вдруг еще чего выведают захотят, а потом опять по деревне трезвонить начнут, что у Зои Ильиничны крыша поехала. Тут вон тоже земляника есть. Не так густо, но маленькое бабушки Зои лукошко набрать хватит.

Марье баб Зою не понять. Она ничегошеньки не знает об одиночестве. Муж, два ребенка – сын и дочь, а за ними – четверо внуков и еще один на подходе. И, конечно, дети уехали из родного дома, даже из родной деревни, навещают не так часто, но зато внуков подкидывают стабильно. Марье вообще повезло. С Генкой своим еще со школы начала встречаться, и все так ладно, и все так крепко. Закончили училища, Марья – бухгалтерское, Генка – на механика, вернулись в де-

ревню (где родился, там и пригодился – не зря говорят), отстроили дом, не без помощи родителей, разумеется. Свадьбу сыграли. Через девять месяцев у них уже Валерка появился. Еще через три года – Алечка, дочка ненаглядная, кудрявая, румянощекая, кареглазая. Так когда это Марья была одна? Может, когда дети выросли, по университетам разъехались, а Генка на рыбалку на два дня отправился? Или когда сама Марья в санаторий ездила почки подлечить? Или когда в детстве родители ее в лес ушли, а Марью за домом оставили присмотреть? Нет, не знает Марья, что такое одиночество. Не ведает. Так что, ровно как сытый голодного, так она Зою Ильиничну не понимает.

Анфиска – та, конечно, бездетная. Можно сказать, не повезло, но на самом же деле она и не хотела детей. Тут уж точно не известно: это у нее не получилось, и теперь она всем рассказывает, что ей детей и не надо вовсе, и без них проживет, или же действительно, как там модно нынче звать таких – чайлдфри. Что совершенно точно – к детям Анфиска равнодушна. Впрочем, многие не любят чужих детей, так что так себе доказательство. Но у Анфиски муж есть. Всегда при ней, всегда рядом. Анфиску любит до невозможности, терпит ее трескотню и беспокойный нрав. Ходили слухи, что муж от Анфиски не раз порывался уйти, что он-то детей хотел и требовал их от жены, но не ушел же, остался. Так что Анфиске тоже неизвестно, что такое настоящее одиночество. Вот и придираются к Зое Ильиничне, вот и лезут надо и не

надо. Выпытывают все что-то, вынюхивают, надумывают. И когда уже угомонятся?

Купринька слышал. Купринька все-все слышал: и как бабушка Зоя шторку приоткрывала, и как лукошками в Запечье швырялась, и как платок тянула, и как в Задверье ушла. Уши у Куприньки большие. Слух хороший, прям прекрасный, прям ни у одного человека слуха такого нет. Во как. Второе Пропадание бабушки за день – это ж надо, это ж праздник какой-то. Купринькин шкаф – Крепость надежная. И мягкая, если хорошенько тряпки взбить. Но больно уж темная, словно Поддомье. Только что не такая сырая и без крыс с мокрицами. И сидит в Крепости Купринька целыми днями, брошенный, изредка на еду приглашаемый, но как выйдет, так в Темноту, которую бабушка Зоя по всему Царству устраивает. Купринька как-то раз видел Солнце Желтое, Солнце Яркое, и до того оно полюбилось Куприньке, что даже простил ему, что глаза зажмурило больно. От Солнца по телу разбегается тепло, даже если оно тебя вскользь погладило. Лоб нагревается, принимая энергию, а потом раздает ее всему остальному Куприньке. Хо-ро-шо. Но бабушка Зоя говорит, что Куприньке на свет нельзя, что он – ночной житель, что его Темнота любит. А Темнота вечная и страшная – такая и любить-то не умеет. И едва Купринька покажет нос на свет, как принимается бабушка Зоя топтать ногами угрожающе, или плакать невыносимо для ушей, или окнами хлопать – прогонять Солнце, впускать Темноту. Так что

ждет Купринька каждый раз бабушкиного ухода, вылезает из Темницы и идет изучать Царство.

Идет на двух ногах. Он умеет, только при бабушке Зое не показывает, потому что той очень уж нравится, как Купринька ползком корячится, очень уж она хорошо смеется над этим, зачем расстраивать старушку. Пусть и не знает, что может Купринька как нужно передвигаться, как человек. Сейчас он миновал Подкроватье. Подкроватье пыльное. В него Купринька разок пробрался, начихал там на всех, кого не видел, и больше туда ни ногой. Делать в Подкроватье нечего. Как и в Накроватье: там обычно бабушка Зоя обитает. Скука в Накроватье вечная. Скука и зевота с подушками. Вышел Купринька да на Комнатные Просторы. Втянул воздух шумно носом. Эх, хорошо тут, вольготно. Деревянные доски к стене убегают, скрипят под ногами, перешептываются. Повалиться бы на эти доски, зарыться в них носом и вдыхать-вдыхать жадно. Перекатиться по ним с боку на бок, сорвать листок с алоэ, заткнуть за ухо и лечь на спину, уставившись в потолок. А по потолку голубому беленькие цветочки бегут, в узоры складываются: вон этот похож на корабль, а этот на зайца. Хорошо-то как! На просторах живет диван, на него можно залезать только по особым случаям, но пока не очень понятно, какие случаи особые, а какие – нет.

Вот, скажем, Пропадание можно считать случаем особым, потому как, если в него забраться на диван, никто не заругается. Телевизер тоже тут, перед диваном, покрывалом на-

крытый.

Телевизер под запретом. А покрывалом накроешь, так он и вовсе в спячку впадает, лучше не будить. Зеркало сбоку от дивана и Телевизера.

Купринька подполз к нему и приподнялся. Там сидел кто-то смешной, вихрастый, тоже с большими ушами. На бабушку Зою вроде похож, а вроде совсем не такой. Руки-ноги-голова, но все же бабушка Зоя как-то иначе выглядит, будто ее из другого теста лепили. Купринька показал ушастому язык. Тот в ответ свой высунул. Это у них приветствие такое. Купринька выставил ладонь, вихрастый к ней свою приставил. Холодная. Купринька свою ладонь убрал, и Вихрастый с ним одновременно – такое у них взаимопонимание.

Купринька сказал:

– Живе-о? – Что означает: «Как ты живешь?» Вихрастый в ответ лишь рот разинул и ни звука не издал. Он не умеет говорить, даже немного, как Купринька. Эх, жаль. Купринька помахал Вихрастому рукой: пока, мол. Тот тут же помахал в ответ. Руки у него, конечно, грязные. Видать, нет у него бабушки Зои такой, что намочет его со Щипалкой-для-глаз и Дёркой в тазу. Хотя Куприньке казалось, что пару раз он видел, как в Зеркале мелькал кто-то, очень на бабушку похожий. Купринька отошел от Зеркала, на всякий случай оглянулся: Вихрастый уже исчез. Тоже наверняка по своему царству гуляет, пока кого-то, похожего на бабушку, рядом нет. Прошел Купринька на кухню, заглянул в Запечье. Там живут

всякие Утвари.

Зимой в Запечье хорошо, горячо, сонно, а летом немного бардачно-сумбурно: то чугунок свалится, то ухват в бок ткнет, то тряпьем завалит. Летом в Запечье лучше не со- ваться. Стажил конфету со стола и мелкими-мелкими ша- жочками приблизился к Задверью. Ох, как же и манит оно Куприньку своей прохладой, звуками, перестуками. Задве- рье мычит, рычит, блеет, кудахчет, свистит, завывает. Одним словом, зовет. Но страшно. Ой, и страшно. А вдруг пропа- дет-сгинет несчастный Купринька, ведь бабушка Зоя гово- рит, что непременно так оно и будет. Говорит, что жив Куп- ринька только внутри Царства, а в Задверье раз – и лопнет. Разлетится на множество крошечных Купринек, а те потом еще разок полопаются и так до тех пор, пока не превратят- ся в Ничто. Но ведь сама бабушка Зоя не пропадает навеч- но, не распадается на множество крохотных старушек. Хотя она говорит, что из другого материала сделанная, она гово- рит: «Я – человек, а ты, Купринька, нет». Потому и страшно. Вдруг Задверье только для человеков. Но Купринька все же рискнул: приоткрыл немножечко Задверье. Не обязательно же в него шагать – можно просто в щелочку подглядеть, что там творится. Вот как он из Крепости на Царство в Солнце иногда смотрит, так и тут. И ничего не случится. Скрипнуло Задверье. Не стон ли это? Не предупреждение, что осталось жить любопытному Куприньке последние минуточки?

Оставил тогда Купринька себе масенькую щелочку, в зра-

чок шириной, и глядит. И ничего интересного не видит. Видит стену, как у них в Царстве, видит сундук, как у них в Царстве, только побольше. Пакеты какие-то, веники. И все. И это опасное Задверье? Что же тут Куприньке угрожает? Неужто веник? Раскрыл Купринька Задверье пошире. Стена разрослась, веников и пакетов поприбавилось. Сундук остался при прежних размерах.

Скука какая, а не Задверье! Еще и мрак. Скука и мрак. Ха, тоже мне! Смотрит Купринька, а за Задверьем еще одно Задверье.

Может, оно поинтереснее будет? Пробрался Купринька к нему поближе, приоткрыл, а там диво дивное, диво зеленое. Во все стороны топорщится, пятнами разноцветными покрывается, там ветры дуют, диво дивное колышут. Солнце растекается. И где-то жужжит.

Сел Купринька перед Задверьем, голову на ладони положил и стал наблюдать. Вот бабочки. Почти как бабушки, но летают и умирают спустя день жизни.

Бабушка Зоя как-то принесла Куприньке одну такую. Бабочка смирно лежала на ладошке старушки, одно крылышко у нее откололось. Бабушка Зоя говорит, что все потому, что крылья бабочек хрупкие, хрупче чашек и тарелок.

Бабочка была красивая и мертвая. Все красивое быстро умирает. Хорошо, что Купринька страшненький, говорила бабушка Зоя, будет, значит, долго жить. Да и сама баба Зоя такая жуткая, что вообще никогда не умрет, пожалуй.

А вот всякие жуки. Их так бабушка Зоя и зовет – «жуки всякие». Видать, они часто толпой ползают.

Купринька поднял голову вверх: там небо (не в цветочек), на небе Бог. С Богом Купринька не знаком, но бабушка Зоя говорит, что Бога нужно бояться. У Куприньки пока не очень-то бояться получается. Как бояться того, кого не знаешь? Бог разбросал по небу куски ваты, видать, поранился. Или уши чистит, чтобы услышать бабушки-Зоины молитвы. А как вообще жить на небе, если там нет ни Телевизера, ни Утварей, ни чего? Бедный-бедный Бог, живет в Пустоте. Это еще хуже Купринькиного шкафа. Долго-долго любовался Купринька Задверьем. Мог бы и еще дольше, да услышал бабушки Зои голос.

Вскочил Купринька, захлопнул Дверь, проскочил через первое Задверье, вернулся в Царство. Там опустился на колени и пополз к шкафу. Пополз так, на всякий случай: вдруг бабушка Зоя быстро до дома дойдет, пусть за Выход ругается, но так и не узнает, что Купринька научился ходить как человек. Ведь человеком Куприньке быть не положено.

Глава 6

Что считать датой рождения Куприньки? Тот ли день, что одним предложением отмечен в «дневнике» Зои Ильиничны, или все же появился Купринька чуть раньше? Пожалуй, это так и останется загадкой. Да так ли и важен день рождения? Когда есть другой – день спасения. Анне было девятнадцать, когда ее проткнули багром и вытащили из пруда. Вскрытие показало, что смерть девушки наступила в результате попадания воды в легкие. Наглоталась, одним словом. Так что багор тут ни при чем. Проткнули случайно. Обнаружил уже посиневшую и вспучившуюся Анну ее же ухажер – Семен Кудрявцев, тридцати лет отроду. Он в смерти Анны тоже не повинен. Как минимум следствие ничего на него не нашло. А уж моральные стороны их отношений разбирать будут разве что на Страшном суде: там решат окончательно, виноват Семен или нет, а пока его домой отпустили, где он погоревал денек, так, для виду, а на следующий уже приударил за Лидкой из соседней деревни. Знаете ли, сложно продолжать любить синюю и холодную Анну, которую вот-вот похоронят в закрытом гробу, так как развороченное багром и вскрытиями тело с распухшим фиолетовым лицом не очень-то хочется нести до кладбища всей деревне напоказ. У деревни и без того пересудов про Анну хватает: отчего она в воду бросилась, сама или все же помог кто (но не Семен,

уж точно не Семен), а ведь тихая была девка, спокойная.

– Ага, спокойная! – скажет вдруг кто-то. – В тихом омуте, знаете ли!

– Ты это о чем? – спросит другой.

– Да она то с одним, то с другим вечерами обжималась. Не только с Семеном. А уж скольких на сеновал переводила!

– Типун тебе на язык! – воскликнут в ответ.

– О покойниках плохо не говорят, – заметит какой-нибудь мужчина в попытке прекратить бабские сплетни. А бабы и притихнут, но ненадолго. Потом вновь разойдутся и всю Аннину жизнь вспомнят, уж правдой или нет, не нам судить. Вспомнят, что в детстве то была хорошая и примерная девочка, носила косички да белый передничек, слушалась маму, помогала по хозяйству. Все еще засматривались на нее, мол, добрая невестка выйдет. Вспомнят, что испортилась Анна, как только в город уехала. В городах же хорошему не научат. Вернулась Анна в родную деревню совершенно другою: гулящей, курящей, злой и грубой.

– А что вернулась-то? – А бог ее знает. Опозорилась, наверное. – Бедная мать. – Бедная-то бедная, но за дочерью следить нужно. Та у нее под носом же гуляла! Выпороть бы разок хорошенько, глядишь, и была бы сейчас жива. – Опять же, неизвестно, помогла бы тут порка или нет, но ситуация уже сложилась – Анна мертва. Вместе с ней умирала, захлебываясь водой, и надежда на то, что главная Аннина тайна идет сейчас на дно все того же пруда. Там на дне и останется.

Тайна страшная и крикливая: нагуляла Анна где-то ребенка. Нет-нет, эти пересуды про кучу мужиков на сеновале – всего лишь сплетни. Впрочем, по правде, кто отец ребенка, Анна не знала, но вариантов было всего два: или Семен, или бывший ухажер из города. Ни тому, ни другому говорить не стала. И вообще никому. Отыскала множество способов abortироваться дома, но ни один не помог. В горячей ванне сидела – только кожу обожгла. Из растений, которые якобы вызывают выкидыш, нашлась только пижма. Отвар из нее был горький и одновременно безвкусный. И абсолютно бесполезный. Вызвал только рвоту. Пила соду, пыталась впрыснуть в себя соду – без толку. Много прыгала – получила лишь головокружение. Прокалывать что-то там внутри спицей или (а истории про аборт в СССР и такое предлагали) проразивать внутри себя лук не решилась – уж больно противно. Тошнило от одной только мысли о таких экспериментах над собственным телом. Впрочем, скрывать беременность оказалось не так и сложно. Кто-то там, наверху, сначала наказал несчастную Анну, а затем смилостивился и сделал так, что живот у нее не рос аж до седьмого месяца. Сама немного пополнила, налилась в щеках и грудях – с кем не бывает? Ближе к седьмому месяцу родные Анны уже привыкли к тому, что та начала носить мешковатые платья и рубахи: «стесняюсь того, что располнела» вполне себе годное объяснение. Анна надеялась, что младенец умрет в родах, при этом боясь за себя: как бы не уйти за ним следом, ведь рожать нужно

самостоятельно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.